

Мо Чэнь вновь исчез.

Уже третий день подряд. Мо Яо сидел в общежитии, сжимая в руках толстый учебник по конструированию огнестрельного оружия. Его суровые брови были нахмурены, а взгляд то и дело устремлялся к окну.

Густая ночная тьма, словно тяжелый магнит, давила на землю, пропитанная зловещей атмосферой, готовая в любой момент сжать чье-то горло так, что не вздохнуть.

Целый день изнуряющих тренировок выжал из всех последние силы. Как только вечерние занятия закончились, курсанты поспешили в общежития, мечтая лишь об одном — рухнуть на койку и провалиться в сон.

И только Мо Сяобай в последние дни даже не ужинал с ними, и теперь никто не знал, куда он запропастился.

Мо Яо неотрывно смотрел в черное, как тушь, окно. Он молчал долгое время, пока в голове внезапно не всплыла картина из прошлого, отчего сердце пронзила тревога.

Сжав кулаки, он резко поднялся. Только он собрался выскочить за дверь, как в коридоре послышались легкие, быстрые шаги, сопровождаемые негромким напеванием мелодии. Мо Яо дернул уголком рта и снова сел.

Мо Чэнь, лежавший на верхней койке, видел, что старший брат явно не находит себе места. Ему ужасно хотелось спросить: Старший, ты так нервничаешь, неужели... неужели у тебя неудовлетворенные потребности?

Но сказать такое он не осмелился бы даже под страхом смерти. В их семье, кроме Мо Сяобая, никто не смел так шутить с главой.

Старший был подобен аскету, придерживающемуся строжайшей дисциплины. Как только тренировка заканчивалась, он брался за книги — от механики до программирования и права — он разбирался во всем безупречно. Его жизнь была лишена красок, монотонна и строго регламентирована, а сам он всегда оставался сдержанным и учтивым.

Мо Чэнь смотрел в потолок и тихо вздохнул: Эх, у старшего почти нет желаний. Кроме...

Грохот!

Дверь распахнулась с такой силой, что тяжелое дерево ударилось о железную кровать, издав звонкий лязг, словно приветственный марш. В дверях тут же показалось сияющее лицо Мо Сяобая:

— Я вернулся!

Сказав это, он лихо пнул дверь, закрывая её за собой.

От этого толчка железная кровать под Мо Чэнем заходила ходуном. Тот сразу сел:

— Мо Сяобай, ты не можешь в следующий раз заходить потише? Я только уснул, а ты меня разбудил!

— Если смог проснуться, значит, совсем не хотел спать! — гордо парировал Мо Сяобай. Он повернулся к Мо Яо и, заметив, что тот напряженно изучает книгу, не удержался от любопытства. Подойдя ближе, он уставился на него большими влажными глазами: — Старший, что за книга такая сложная? Неужели она тебя озадачила?

В его длинных персиковых глазах подернулась дымка, щеки еще не успели остыть от румянца, а тонкие губы слегка покраснели, придавая ему вид человека, только что пережившего что-то волнительное.

Мо Яо нахмурился:

— Где ты был?

Пальцы Мо Сяобая, лежавшие на плече Мо Яо, на мгновение замерли. Он промолчал.

Мо Чэнь, сидя на кровати, насмешливо спросил:

— Мо Сяобай, ты каждый день возвращаешься так поздно, какими нехорошими делами промышляешь? Может, к какой-нибудь девице приставал?

Брови Мо Яо нахмурились еще сильнее.

Мо Сяобай убрал руку, опустил голову, поправляя воротник, и слегка кашлянул:

— Братишка, мне всего пятнадцать. Девушки в лагере старше меня, если кто и пристаёт, так это они ко мне!

Сказав это, он потрогал свою нежную щеку и снова принял горделивый вид:

— Тц-тц, посмотрите на мою кожу, она как лепесток! По сравнению с этими девицами — небо и земля!

Наслаждаясь гладкостью собственной кожи, Мо Сяобай небрежно повалился на кровать и демонстративно зевнул:

— Эх, я устал, пойду спать!

Мо Чэнь недоверчиво скривил губы. Только что был полон энергии, а тут вдруг устал? Наверняка творил что-то предосудительное!

Мо Яо с подозрением посмотрел на свернувшегося в одеяло Мо Сяобая, привел в порядок стол, выключил свет и лег.

На следующий день, едва закончилась вечерняя тренировка, Мо Сяобай снова попытался улизнуть. Мо Яо сделал вид, что не заметил, но Мо Чэнь схватил его за рукав:

— Сяобай, ты опять куда собрался?

Мо Сяобай скорчил плаксивую гримасу, но стоило ему повернуться, как лицо озарилось улыбкой. Он захлопал своими огромными круглыми глазами, глядя на них с невинностью ангела:

— Братишка, мне приспичило, я в туалет иду! Чего ты меня держишь?

— Хватит притворяться! — Мо Чэнь скрестил руки на груди. — Сяобай, говори прямо: куда ты вечно пропадаешь? Пока не скажешь — не уйдешь!

Мо Сяобай с обиженным видом посмотрел на Мо Яо. В глазах заблестели слезы, он схватил Мо Яо за руку и начал раскачивать её из стороны в сторону, надув губы и ласково заворковав:

— Старший, посмотри на него! Он меня не пускает! А мне ведь правда в туалет надо!

Мо Яо опустил взгляд. Мо Сяобаю было всего пятнадцать, на четыре года младше него. Хрупкий, ростом едва до плеча, сейчас он держался за его руку, заглядывая в глаза с такой искренностью и потираясь головой о плечо, что напоминал огромного ласкового питомца, выпрашивающего у хозяина угощение.

Сердце Мо Яо дрогнуло. Уголки губ смягчились, и он поднял руку, погладив мягкие волосы на макушке Мо Сяобая:

— Иди.

Мо Сяобай только этого и ждал. Он знал: стоит ему попросить, старший обязательно станет мягче, а когда он мягкий, то выполнит любой каприз.

Мо Сяобай был так взволнован, что едва не поцеловал Мо Яо.

Однако в глубине души промелькнуло крошечное разочарование: почему старший совсем не интересуется, куда он идет?

Но сейчас ему было не до грусти. Он бросил победный взгляд на Мо Чэня и помчался прочь.

— Эй! — Мо Чэнь проводил взглядом улепетывающего Мо Сяобая, стиснул зубы и повернулся к Мо Яо: — Старший, с ним точно что-то не так!

— Угу, — кивнул Мо Яо и невозмутимо направился в сторону столовой.

Мо Чэнь был в ярости. Он ведь почти прижал Сяобая к стенке, почти вытянул из него правду! А старший взял и отпустил его! Даже не спросил ничего!

Вспоминая самодовольный вид Сяобая — мол, у меня есть старший, мне ничего не страшно — Мо Чэнь скрипел зубами от зависти. Ведь это он, Мо Чэнь, родной брат старшего, близнец! Почему же он для старшего не значит больше, чем волосок с головы Мо Сяобая?!

Эта несносная избалованность Сяобая — целиком и полностью заслуга старшего!

Мо Чэнь догнал Мо Яо:

— Старший, неужели тебе совсем не интересно? Что этот Сяобай делает по вечерам, почему ведет себя так скрытно?

Мо Яо нахмурился и спокойно ответил:

— Он направился в сторону Четвертого сектора. Сначала сходи в столовую, возьми ему паровой хлеб, а потом пойдем проверим Четвертый сектор.

Вчера ночью он слышал, как у Сяобая урчит в животе — вероятно, тот был голоден. Неизвестно, чем этот маленький негодник занят, раз даже на ужин времени не находит.

Услышав, что старший вычислил направление, даже не спрашивая, Мо Чэнь невольно поднял большой палец:

— Старший, ты невероятен!

Мо Яо промолчал, широким шагом направляясь в столовую. Мо Чэнь искренне восхищался: стоило Сяобаю лишь пошевелиться, как старший уже знал, куда тот направится. Мо Чэнь подумал: неужели старший начал применять навыки разведки и контрразведки на Мо Сяобае?

Его осенило: Старший, ты наконец-то прозрел! Эх, если бы ты начал так раньше, Сяобай давно был бы у тебя в клетке, а не разгуливал бы на свободе!